

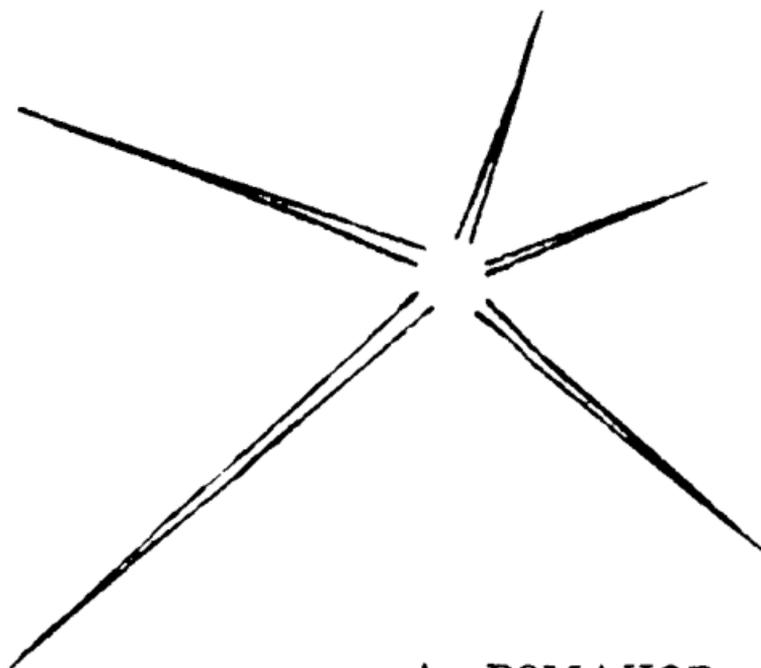
PC

P69

T485039

Романов

А. РОМАНОВ

ЕМИЗВЕЗДИЕ

НОВЫЕ СТИХИ

485039

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВОЛОГОДСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

$$\frac{P2}{P69}$$

Rp + KMH

* * *

Я опять уезжаю. Опять
Это крайне необходимо.
Если хочется уезжать —
Значит, жизнь не проходит мимо.
На душе хорошо, тревожно.
До отъезда за пять минут
Я беру стаканчик мороженого,
Потому что все берут.
Никого нет знакомых, кроме
Одного, с кем дружу всерьез —
Вон покуривает на перроне...
«Здравствуй, старый друг, паровоз!
Вот опять я к тебе за помощью.
Часто снился ты по ночам.
Много раз выручал меня — помнишь? —
И на этот раз выручай...»
Он дыхнул, показалось мне, куревом
И взглянул одобрительно вниз,
Мол, о старом чего балагурить,
Мол, давай, дружище, садись.

Хорошо, когда есть товарищи.
У меня немало таких.
И красивый, и понимающий
Ждет товарищ и у реки.
И еще есть один приятель —
На зеленой траве-мураве
Он стоит молодой и крылатый
И мечтает о синеве.
...Я смотрю на людей отъезжающих,
Да и сам уезжаю опять,
Чтобы мне от своих товарищей
Никогда и ни в чем не отстать!

---

* * *

Наладилась погодка
Свежа, добра.
Товарищи-погодки,
Встретиться пора!
В бочонках грузных
Томятся грузди,
В кадках особых
Огурцы спят.
Мы будем из рассолов,
Из-под зеленой ряски
Огурцы вытаскивать,
Словно щурят.
И полки с ведрами
Мы оглядим.
В ведрах собраны
Впрок дожди,
Малинные,
Черничные,
Брусничные дожди.

Поклонимся хозяйке —
Она — на все сто:
Что надо — без утайки
Выставит на стол.
И не успеем глянуть,
Как превратится он
В пахучую поляну,
Где рыжий перезвон.
Мы будем разговаривать —
Нам есть о чем, друзья!
Словами зря задаривать
Народ уже нельзя.
И просидим, известно,
До самого поздна,
Покуда семизвездие
Не встанет у окна.
Ах, это семизвездие
Медведицы Большой!
Оно, куда б ни ездили,
Над нашею душой.
Висит, мерцая искрами,
Все в инее насквозь,
Как северная, близкая,
Рябиновая гроздь!
...Наладилась погодка
Свежа, добра.
Товарищи-погодки,
Встретиться пора!

* * *

Когда он сказал: «А ну, потесней!» —
Пошли садиться по очереди
По правую руку — пять сыновей,
По левую руку — четыре дочери.
Такие семьи не часты теперь,
И я удивленно и радостно
Сидел, отогревшись в шумном тепле,
Смотрел, как все здорово ладилось.
Буханку, как доброе чудо держа,
Он резал и щедро, и медленно
И, крупные ломти снимая с ножа,
Клад горкой на стол обеденный.
Хозяйка открыла кастрюлю с борщом,
И жаром дохнуло наваристым.
Она добавляла еще и еще
И лишь черпаком говорила: пожалуйста!
Тарелки сверкали, и в каждой из них
Качалось по вкусному солнышку,
И перец, и соль из посудин разных
В него насыпали по зернышку.

На пухлых, смешливых и влажных губах
Дрожало оно, золотистое,
И каплей случайной на скатерть упав,
Дробилось веселыми искрами.
А хлеб, черный хлеб, аппетитно хрустя,
Во здравие пекаря местного
Спокойную радость таил в ломтях
И незаметно главенствовал...
И не было здесь, за дружным столом,
Ни роскоши и ни бедности,
Но в тесном кругу, но в соседстве таком
Всем отлично обедалось.
И я, побродивший свое по земле,
Опять постигал заново,
Насколько же вкусен черный хлеб,
На жарком поду зарумяненный!
Насколько ж горчица свежа и крепка
И перец горяч до горечи,
И суп из рабочего черпака
Насколько же добр и солнечен!

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь,
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Попадают головки льна.
Ни просвета который день.
И как стадо рыжих коров,
Что отбилось от деревень,
Спят комбайны в поле сыром.
Дождь, дождь, дождь...
Председатель, взглядом тяжёл,
Уронил кулаки на стол.
Впору водку хлестать со зла.
Рожь! Какая она была!
Он, от радости сам не свой,
Потонув в ржаной глубине,
Сколько раз отдыхал, порой,
На сухом, васильковом дне,
И катились над головой
Шумно, мягко волна к волне.

А потом уходил туда,
Где цвели и плескались льны
Сине-синие, как вода,
Как, верней, живая вода
Нашей северной стороны.
Лишь испить бы чаши полей,
Эти синие чаши, до дна,
Стали б руки еще сильней
И повыпрямилась спина.
Дождь, дождь, дождь...
Одному сидеть невтерпеж.
Ну-ка, газик, не выдавай,
Ну-ка, газик, газу давай!
Ноет сердце — в поля, сквозь дождь!
И машина летит рыча.
Речка, лужа — не разберешь,
Газик, старый друг, выручай!
У бурлящих, вязких борозд
Он бросал и курил опять,
Словно горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.
«Ничего, — говорил он ржи,
Ну, а может быть, сам себе, —
Ничего, только ты держись,
Не такое было в судьбе!»
«Ничего, — говорил он льнам,
Ну, а может, себе опять, —
Ничего, приходилось нам
После всяких дождей вставать!»

Ну-ка, газик, не выдавай,
Ну-ка, газик, газу давай!
Темнота и морось кругом...
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша,
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

МОЛОКО

При этом слове непременно
Подумаешь: а хорошо
Открыть бидон, в котором пена,
Как белый-белый гребешок.
И ослепительно набулькать
В стакан густого молока,
И разломить скорее булку,
И пить, холодное пока.
Блеснут росинки на стакане,
Ты кончишь пить и скажешь: Ах!
И молоко следы оставит
Ромашкой свежей на губах...
Но для меня при этом слове
Сейчас другое наяву —
Село далекое, лесное,
Где я у матери живу.
Здесь крыши горбятся от снега,
Морозно, с треском, дни горят.
Нос только высунь — покраснеет
И будет ярче снегиря.

Сюда дороги по болотам
Не широки и не легки.
Как будто белые ворота,
То тут, то там березняки.
Вот здесь, где снежные угоры,
Где руки ноют от забот,
Где о поэзии не спорят,
Но где поэзия живет,
Бежит — бежит тропинка хрусткая
Сквозь череду метельных дней,
И молодая, очень русская
Проходит женщина по ней.
Идет порывистой походкой,
Вперед склоненная слегка,
Идет своей тропой короткой,
Но так ли тропка коротка?
Она сама ее торила,
И закипал вокруг, и жег
Не этот белый снег впервые,
А снег сомнений и тревог.
В снегу таком, конечно, просто
И растеряться, и отстать,
Но ветры тихого упорства
Калили молодую стать.
И вот бежит тропинка хрусткая
Сквозь череду метельных дней,
И молодая, очень русская
Проходит женщина по ней.
И свет в оконцах зажигается,

И целый вечер под рукой
В ведре вскипает и шатается
В папахе белой молоко.
И пейте, люди, на здоровье —
Понравится наверняка.
...Встает с поэзией вровень
Простая кружка молока.

ЛЕНИНСКИЕ ГЛАЗА

— Что он сказал бы?

— Как бы он решил? —

Мы думаем,

Когда бывает трудно.

В минуты эти мысленно, как с другом,

С ним говорим открыто, от души.

Лукавить в разговоре с ним нельзя.

Сфальшивишь в чем-то —

и в мгновенье это

Прищуренные, с искоркой глаза —

Перед тобой. Глядят и ждут ответа.

Они глядят пытливо, ищут суть

В тебе самом...

И ты, забеспокоясь,

В себя сумеешь глубоко взглянуть

И дать ответ, какой диктует совесть.

И так всегда.

Осознанней, верней

Мы с возрастом глядим его глазами.

Мы так хотим. Мы это знаем сами.

И очень много нас в родной стране.
Не зря же злобный враг сегодня хмур:
Он все же видит, страхом ослепленный,
Что на земле в глазах у миллионов
То искорка, то ленинский прищур!

СМЕРТЬ КОММУНИСТА

*Памяти И. М. Людина, редактора
районной газеты*

Мы-то знали, что стоит его седина:
Над вихрами его прокатилась
И гроза не одна, и беда не одна,
И времен трагедийных немилость.
Он об этом молчал — говорил о другом,
Чтобы снова душевно встряхнуться, —
О годах молодых и о времени том,
Где грохочут ветра революций.
Ни здоровья, ни сил — не берег ничего,
Хоть и грустным бывал, и усталым,
И сердитым нередко, но только его
Никогда мы не видели старым.
В легком свитере, в демисезонном пальто,
Сигаретный дымок завивая,
Он ходил и любил эту землю за то,
Что такая она — молодая!
И однажды, статью не закончив свою,
Зачеркнул торопливую фразу

485039

И схватился за грудь, как хватались в бою,
И упал...

Сталь ломается сразу...

...Красный гроб от парткома несли на плечах,
Тяжело, каменя, шагали.

Горьким ветром в оркестре металась печаль,
И знобило от этой печали.

Шли друзья по веселой и талой земле,

Где завещано жить и сражаться,

Где ветрам грохотать и траве зеленеть,

И сердцам от любви разрываться!

КОММУНИСТЫ

Что еще быть может тяжелее,
Чем рвануться в межпланетный путь?
Силой взлета силу притяженья
Надо человеку зачеркнуть.
Громких слов остерегаясь, все же
Мне сейчас без них не обойтись,
Если все, чем мы живем, что можем,
Вкладываем в слово коммунизм.
Коммунизм — высокая орбита
Наших дел, желаний и сердец.
За нее идет всемирно битва,
Век двадцатый — за нее борец!
Этот путь порой потяжелее,
Чем к планетам неоткрытым путь:
Собственность, как силу притяженья,
Надо человеку зачеркнуть...
Есть такие! Их ряды все шире,
Поступь их все громче на земле.
Космонавты будущего мира —
Те, кто носит ленинский билет.

И о них немало говорится
Громкого значенья всяких слов.
Если тех людей не знаешь в лица,
Мыслить их гигантами готов.
Будто бы они совсем иные,
Чище нас и мужественней нас,
А они — такие же земные,
С нами рядом каждый день и час.
И себя в пути испепеляя,
Эти люди рвутся лишь вперед.
Собственность магнитными полями
На дороге времени встает.
И сквозь них, и пояса диверсий,
И сквозь тучи лжи и клеветы
Прямо к человеческому сердцу —
На орбиту чистой высоты!

• • •

Василию Белову

С Ярославского вокзала,
С Ленинградского вокзала
В ночь уходят поезда...
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Семь рублей — и мы на полке,
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы
Чаю крепкого заvara
Мы попросим, а потом,
Прислонясь к ветрам спиною,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу развернем.
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей — там начало.

Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно
Огоньком сердца задела —
И пошло от огонька.
А его тотчас заметил
Ветер-сиверко — наш ветер
И подул, подул, веселый,
Раздувая огонек.
Уронили елки смолы
Со своих ветвей тяжелых,
Чтобы дольше не поблек.
...Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся»... —
И уносятся, струясь.
А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
Жарче, жарче не бывает,
Чем на севере у нас...»
Утро медленно краснеет.
Здравствуй, батюшка наш север!
Он гостей, конечно, ждал
И выходит нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,

Весь от инея седой,
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших
И с Полярною звездой!
Звездный свет нам в лица сеет
Милый север, добрый север.
...Мы спешим в знобящий тамбур
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

БАЛЛАДА О БАТЬКЕ ВАСИЛИИ

От нашей деревни Берлин — ого!
Но батько Василий дошел до него.
Скажут: Висла — с пушкой плыл,
Скажут: Дунай — пушку мыл,
Скажут: Шпрее — мылся сам...
Вернулся с войны — ружья не купил:
Зачем ружье? Настрелялся там.
«Ну что же, — сказал, — утихла страда,
Но мы нигде не клонились ниц!»
В его биографию навсегда
Европа вошла с десятком столиц.
И вновь, словно старый осколок, вопрос
Его беспокоил, тревожил всерьез:
Двадцатые годы — землю пластал,
Тридцатые годы — плотником стал,
Не принял артель. Ушел сгоряча...
Но даже на фронте, в багровых ночах,
Всплывали до слез дорогие места —
Не тот городок, где прописан был,
А речка и рожь у самой избы...

Солдат на войне светлеет душой.
Останется жив — повсюду пути.
Так что ж ты, герой, до Берлина дошел,
Ужель столько лет до себя не дойти?
«Ну вот что,— решился,— весна сейчас.
В деревню поедем — здесь нажились...»
В его биографии в первый раз
Две трудных дороги в одну сошлись.
...В осанистом доме живет давно,
В котором, как годы, к бревну бревно.
Топор у него — остряк, говорун,
Рубанок его — весельчак, певун,
Простая пила — девятнадцать струн!
С работы придет и в тихом доме
Откроет окошко и пьет чай.
И молодые приходят к нему
Поговорить, махрой почадить...
Клубит по Петряеву вялый туман,
И теплая ночь наплывает опять.
Пора бы ребятам идти по домам
На воле, на сене с женами спать.
Но медлят: уж больно беседа добра.
Начнут о войне — туманится взгляд,
Начнут о ракетах — лица горят,
О Марсе начнут — не узнать ребят.
О чем ни начнут, то шутя, то всерьез,
Как в песне припев, упомянут колхоз.
И батько Василий, оставив мед,
Как будто итожит, рукой махнет:

«Я думаю так — я много прошел, —
Что будет везде по-нашему власть...»
В его биографии небольшой
Размахистость века отозвалась.
Но это ему, старику, невдомек,
О жизни своей он нигде не писал.
Скажи ему так, он ответит: «Сынок,
Да это же все ты придумал сам».

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

Рванулась на крыльцо: приехал сын!
И сразу поняла, что не один,
И отшатнулась, посветлев, назад.
Я тут же, у крыльца, знакомлю их.
И вот они, две женщины, стоят,
Пока еще две женщины чужих.
О, это посвящение в родню,
Смятенье чувств и зоркость мудрых глаз!
Волнуюсь и молчание храню —
Мои слова им не нужны сейчас,
Они сейчас сердцами все поймут,
Я прав иль нет, что говорил о них.
Целуются, друг другу руки жмут,
Но все еще — две женщины чужих.
...Шумит по-праздничному самовар,
Все в золотинках солнечных насквозь:
Глаза, морщинки и над чашкой пар,
Игра ресниц и прядь густых волос.
И, как у нас ведется в деревнях,
Уже соседки поглазеть идут.

— Ну, проходите, что вы там, в дверях?
— Да ладно, ладно, постоим и тут.
По делу мы, вон к матери твоей,
За квасом мы. У вас такой уж квас!
Налили квас, но все же от дверей
Нейдут они, разглядывают нас.
И говорят, мол, это кто, жена?
Уж до чего пригожа да бела,
И рослая, гляди-ко. Знать, она,
Голубушка, не в городе росла.
Уж больно городские-то бедны:
Ни спереди, ни сзади — ничего...
И вижу я, как чашка у жены
Дрожит в руках и плещется чаек.
А я смеюсь: не угадали, нет,
Из города, из Вологды самой!
И ахают притворницы в ответ
И с новостью торопятся домой.
...Сидим втроем мы долго, допоздна.
Веселый самовар давно затих.
— Спасибо, мама,— говорит жена,
И вижу тут, что женщин нет чужих.

ЗИМНЕЕ УТРО

Поленьями ольховыми
Похрустывает печь.
Как благодатно с холода
Кофтенку сбросить с плеч!
И вот в сиянье жарком
Она полунага.
Шипя, летят огарки
Стрекозами к ногам.
Их веником сметает,
Чтоб ноги не обжечь.
И шаньги на сметане
Начинает печь.
На окнах иней розовый:
Видать, заря встает.
Пропели рядом розвальни
И стали у ворот.
И вот уж двери настезь,
И на пороге — он.
Смеется: «Здравствуй, Настя!»
И делает поклон.

А от порога катится
По половицам пар
К босым ногам красавицы,
Как белый-белый шар.
И вспыхивает девушка,
Не смея поглядеть.
Кофтенку сразу —
  где уж там! —
Успеешь ли надеть.
— Да что ж ты, Настя,
  прячешься?
Ведь я к тебе — навек!..
И на лицо горячее
Летит с ушанки снег.

---

* * *

Ах, свадьбы шумные! Едва ли
Найдется что-то веселей...
Мы на чужих с тобой бывали,
Но не бывали на своей.
В ту пору не придав значенья,
Без свадьбы начинали жизнь.
И к нам тогда на чай вечерний
Лишь очень близкие сошлись.
Ну, упрекнуть бы нас хотя бы
Иль намекнуть: мол, как же так —
Нельзя, соколики, без свадьбы,
Она, представьте,— не пустяк.
...Жизнь чередом пошла не сразу,
Но обижаться нам нельзя:
Своей любви мы знали праздник —
Пусть позавидуют друзья.
Однако тихую досадой
В душе уже который год
Несостоявшаяся свадьба
Все ощутимее живет.

Она как будто где-то рядом
С цветами, музыкой, вином.
И так она доступна взгляду,
Что кажется: вот-вот придем.
Нас заждалась она, такая,
Пускай нешумная — своя.
Уже наполнены стаканы,
И собрались уже друзья.
И это чувство все сильнее,
И мы с тобой чего-то ждем.
...Ты для меня еще роднее,
Еще дороже с каждым днем.
И для тебя я сделать рад бы
Все, что сумею и смогу.
И лишь в огнях и песнях свадьба --
На недоступном берегу.

ПОДРУГА ВЫШЛА ЗАМУЖ

И горечь, и радость —
Все смешалось,
Как в пунше коричневом,
Что пили вчера.
Судили — рядили:
Их пара отличная,
Конечно, жаль Настеньки,
Но замуж — пора.
Вот только далеко,
В город Сокол,
Куда-то на фанерный
Увозит жених.
И нету доярки,
И не найти, наверно,
Взамен такой подружки
В Петряеве у них...
На полке высоко
Ведро сохнут,
И, как луна морозная,
У каждого дно.

Как грузные бочки,
Лежат в рассветной роздыми
Коровы полусонные
И ждут девчат давно.
Дверь распечатав,
Входят девчата,
Снег сыплется прядками,
Веет пыльцой.
Морозные луны
На полке забрякали,
И влажным духом клевера
Повеяло в лицо.
И вдруг Настя
Вбегает: «Здрасьте!»
Мол, попрощаться надобно,
Еду сейчас.
В цветастом шарфике,
В том самом — свадебном,
Не потушив нисколечко
Счастливых глаз.
И стало обидно
Это видеть —
Чего она красуется?
Подумаешь — шарф...
Глаза бесстыжи,
Ишь, заскочила, умница,
Своими разговорами
Работе помешав.
Зря в газетах

Ее портреты
Печатали к праздникам!
Нашла женишка...
Да был бы пригожий,
А что-то несуразное —
Все щурится да морщится,
Да все исподтишка.
У них вот — парни!
Да только в армии...
И вечером девушки
Писали им ответ,
Писали — страдали,
Мол, любим и надеемся,
Мол, заждались, хорошие,
Да так — что мочи нет!

---

* * *

Хоть солнце и зашло уже,
И хоть повял закат,
Как маленькие солнышки,
Березоньки горят.
И в те часы вечерние,
Когда войдешь в село,
От этого свечения
И в сумерки светло.
Давно крыльцо отворено,
Но я стою, смотрю
На эту белоствольную
И тихую зарю.
И ничего не надо мне,
Лишь только, чтоб она
Дружной росла посадками,
Родная сторона.
Скорее в люди вышла бы
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез!

* * *

Нет трогательней, откровенней,
Чем письма матери родной.
В них так и веет той деревней
И той отцовской стороной,
Где ничего не позабыто
Из трудных и веселых дней,
Откуда всякие события,
Быть может, кажутся видней:
Слова простые и без фальши,
Слова — как есть, как знает мать,
Не закурив, не можешь дальше
Спокойно те слова читать.
«Ведь я уж старая, ребята,
Всего видала на веку,
И хоть у нас скудна оплата,
Но не работать не могу...»
Прочтешь и всякое припомнишь...
Однажды в знойный сенокос
Грузовичок до дальней поймы
Меня, газетчика, довез.

Там травы жертвенно плясали
Под удаль музыки стальной
И пели женщины глазами,
И полдень чуяли спиной.
И среди людей, уже знакомых,
Заметил я, была одна
Старушка. Ей бы лучше дома
Сидеть с внучонком у окна.
И я сказал ей, что, пожалуй,
Вам очень трудно на лугу.
Она ответила устало:
«А не работать не могу...»

ОТЦОВСКИЕ ПИСЬМА

Я нашел в деревенском столе
Письма старые, фронтовые.
Будто шли они двадцать лет,
И сейчас получил впервые.
Я когда-то, конечно, читал
Эти очень нежные письма,
Но тогда был и глуп, и мал,
И не мог такого помыслить,
Что останутся только они,
Что отец споткнется где-то,
Упадет посреди войны,
И его никогда не встретить.
Фронтовые письма отца —
Треугольники, без конвертов.
Из письма в письмо без конца:
«Не горюйте, крепитесь, верьте...»
Можно было подумать о том,
Что не он — мы в огне и дыме.
А у нас был все-таки дом,
Был и хлебушко, правда, единый.

Про себя он писал чуть-чуть,
Как всегда, писал, между прочим.
То — «здоров», то — «опять лечусь,
Царапнуло, да только не очень...»
До чего же скупы слова
И значительны многоточья.
Как мне хочется расшифровать
Все, что сказано между прочим!
Нет, потеряны все пути.
Он, шагавший от боя к бою,
Нас не только хотел спасти —
Защитить и от лишней боли.

---

* * *

У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла,
И как огромна Россия,
Впервые теперь поняла.
Меж матерью и меж ними
Впервые с недавних времен
Стал самым необходимым
Чужой человек — почтальон.
С утра побредет из деревни
На почту один по снегам,
А мать готова поверить,
Что он уходит к сынам,
Что он дойдет непременно
(День целый — да это год!)
И в сумрачную деревню
От них письмо принесет.
...Окно застилает дымом,
С чего бы — ей не понять.
Идет почтальон, но мимо,
Идет, но мимо опять.

И надо себя пересилить
И братья вновь за дела...
У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла.

---

* * *

Нам, может быть, не всех трудней,
Но отчеркнуть и нам не просто
Те дни чертой от наших дней
Без колебаний и притворства.
Тридцатилетние друзья,
А мы же помним время культа.
И отмахнуться враз нельзя
Нам от самих себя огульно.
За четкой гранью новых лет,
Коль повнимательней взглядеться,
Увидим мы свой первый след
На довоенных травах детства.
Там было все: и свет, и тень,
И мы, конечно, жили всяко.
Но в мартовский, в тот знобкий день,
Сознайтесь, кто из вас не плакал?
Да, помним мы свое родство,
Но и в семье не без урода.
Нам, может быть, больней раз в сто,
Чем молодым последней моды.

И боль диктует нам слова,
А не холодное презренье,
И потому она права
Нелегкой правотой прозренья.
Да, все сложнее, чем дважды два...
Нам еще глубже, чище верится,
И потому теперь слова
Срываются весомо с сердца.

РОССИЯ

Летит вагон — и белым полукружьем
Березки проплывают за окном.
Которые поближе — вихрем вьюжным,
А те, что дальше, — медленным гуськом.
Красива! Ей к лицу березки тонкие.
И пусть у ней сейчас стальная стать,
Я думаю, что будут и потомки
В березках этих красоту искать.
Летит вагон — и вот уж рядом Волга —
Так широка, что не хватает глаз.
И мы глядим восторженно и долго
В который раз, но все — как в первый раз.
Да, ей под стать огнистой Волги лента,
Завязанная в крепкие узлы.
Я думаю, что и в другом столетье
Здесь будут лица русские светлы.
Летит вагон — и от волненья жарко:
В зеленой мгле уральская гряда.
И солнце пышет, как электросварка,
Ее коснувшись, но она тверда.

Она горда. И поезд у подножья,
Как бы робея, замедляет ход.
Конечно же, в России только можно
Вставать вот так — в могучий разворот!
Душа твоя и празднична, и рада,
И молча ты с Россией говоришь.
И ни хулой, ни словом и ни взглядом
Ее уже вовек не оскорбишь.

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ В ПАРИЖЕ

Как выстрел, грозное известье
Скатилось в утреннюю тишь:
«Вступают русские в Париж!» —
И сразу дрогнули предместья.

Сшибались в панике повозки,
Хрипели кони на мостах...
О боже! За пожар московский
Они Парижу отомстят.

...Полки торжественно входили,
И с высоты лилась хмельна
На гренадерские мундиры
Апрельская голубизна.

— Да здесь, ребята, красно лето,
Куда нас, братцы, занесло! —
Шинели бросив на лафеты,
Солдаты шурились тепло.

И в том строю, причастный к славе,
Перехватив ремнями стан,
Летел в седле веселый, бравый
Российской службы капитан.

Он счастлив. Он сейчас не помнит,
Что в Петербурге знаменит,
Что в тишине лицейских комнат
Его певучий стих звенит.

Он — просто русский! Он — в Париже!
Он из Москвы пришел сюда,
Чтоб нашу речь Париж услышал
И чтоб запомнил навсегда.

Он видел много, понял много
И ничего не позабыл.
Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.

И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.

Здесь, перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы отомстили за Москву!»

В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.

И он смотрел, как удивленно
Они стояли, закурив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери!

Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия,
И на Россию мир глядит.

ПРЕДОК

Кто он был? В каком таком обличье?
Он стоял на фоне синевы,
И сквозило что-то необычное
В повороте смелой головы.
Что-то в нем былинное сквозило:
Вот поднял он руку, застя свет,—
А в руке буграми ходит сила,
Все он может, стоит лишь посметь.
Вот рукою, чтобы не торчали,
Он поправил волосы слегка,
И уже задетые нечаянно
В небе закачались облака.
Он — один. И никого здесь кроме.
Сам себе пока — слуга и князь.
А вокруг леса. Синеют кроны,
Как курганы, в небе громоздьясь.
Он развалит синие курганы
И достанет клады, а потом
Эти клады чисто остругает
И отешет ярым топором.

И тогда он явит миру золото,
Хохоча от щедрости хмельной,
Рубленное, пиленное, колотое,
Пахнущее соком и смолой...
И пошел он, жилистый и крепкий,
Ельниками темными не зря —
Брызгали испуганные щепки,
Шлепались в озера и моря.
И где стыли сумерки сырые,
Как подвалы вековые, там
Синь и солнце хлынули впервые
По его размашистым следам.

---

* * *

Легко и просто сердце ранить,
Легко и просто:
Слова бывают, словно камни
И словно гвозди.

Лишь стоит взять слова неверно,
Сказать неверно,
Глядишь — и чья-то радость меркнет,
Улыбка меркнет.

А молвишь ради пустословья
И суесловья,
Тебя на низости изловят,
Всегда изловят.

А если что-то бухнешь сдуру,
Пойдет потеха...
В ответ тебе взметнется буря
Крутого смеха.

А промолчишь, когда бы надо,
Сказать бы надо,
Слова немые — как досада,
Себе досада...

Слова — не пули, но бывают,
Как пули, остры.
Легко и просто сердце ранить,
Легко и просто.

* * *

Асе

Как поредел осенний лес!
В лесу пора лучшая.
Молчанье слушаю здесь,
Себя слушаю.
По веткам солнце потекло,
Блестит, радуясь,
Я вглядываюсь в даль стволов,
В себя вглядываюсь.
Тропинка влажная шуршит,
Шумит листьями.
Смотри-ка: выше всех вершин —
Одна лучистая!
Одна береза выше всех,
Струится золотом вверх,
Стоит — не горбится,
Белая, гордая.
Смеется, шуршит
Каждым листиком...
...Ты в лесу моей души
Такая же чистая.

* * *

Ты нежданно и негаданно
Решила, как всегда:
«Говорят, красивый Кадников —
Поехали туда!»
Песни девичьи расплескивал
Автобус поутру
За полями, перелесками,
На молодом ветру.
Все привычное, усталое,
Мешавшее нам
За автобусом оставлено
По разным сторонам!
Я в глаза твои заглядывал,
Своих не отводя.
И когда тебя разгадывал,
Разгадывал себя...
По дороге по укатанной
Легко, из-под горы
Мы влетели в город Кадников --
В зеленые шатры.

Ты смеялась очень молодо,
Споткнувшись второпях.
И шатались мы по городу,
Где яблоки в садах.
Ах, в Кадникове яблоки!
Попробуешь раз —
Как будто озябнешь,
Прищуришь глаз.
В холодных росинках
Яблок любой,
С горчинкой, с кислинкой,
Как наша любовь.
Мы малиной сластили
Яблоки там,
Малина ливнем красным
Стучала по кустам.
И мы в зеленой заводи,
Где славно отдыхать,
Бродили, взявшись за руки,
Счастливые опять.
И мы решили загодя:
Чуть что — скорей туда,
Где в яблоках и ягодах
Такие города!

---

* * *

Картошку девушка копает
Прозрачным вечером одна.
На ней кофтенка голубая —
Впервые, кажется, тесна.
И девушка не понимает,
А отчего она тесна.

Копать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед,
Роняют в дождевую воду,
Но и в воде не тает мед.

Она стоит, облокотившись
На вересовый черенок.
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.
Откуда он? От ребятишек,
От их костра плывет дымок.

И песни хочется негромкой,
Которой и названья нет,
И чтобы кто-то шел сторонкой,
Ее окликнул бы в ответ,
Ее окликнул бы негромко,
Но никого покуда нет...

---

* * *

Разлука, что зима у нас на севере,
И день и ночь метелями знобит,
И потому с души моей отсеяна
Вся шелуха упреков и обид.
Бывает, под метелью трудно выстоять,
Но крикнуть, чтоб услышали, трудней.
Вот так и я — кричу тебе, единственной,
Сквозь маяту моих метельных дней.
Кричу: люблю! И тем живу и верую,
Что ты услышишь и поймешь меня.
...Разлука, что зима у нас на севере:
Все жжет, лишь оставляет зелена.

* * *

Ты что-то мне напомнила, рябина.
Лишь теплый ветер дунет — ты опять
Живучести полна неистребимой,
Готова белым цветом полыхать.
Когда ж июль течет на ветки жаром,
И хмель бушует, молод и курчав,
Твои пылают ягоды недаром,
Но зря пылают: чуточку горчат.
И лишь когда ударит иней поздний,
Ты станешь вновь единственно любя.
Тогда твои тоскующие гроздья
Чем холодней, тем слаще на губах.

* * *

Есть красота всевластная
Девичьих чистых лет.
Приходит, будто хвастает,
Что лучшей в мире нет.
В ней все, как в утро раннее,
Когда горит восток:
Игра и обещание,
Открытость и намек.
Она мудра в наивности,
В суждениях проста.
Не верит, что поблизости
Иная красота.
Пора спокойных полдней,
Высоких облаков,
Свечением наполненных
И злаков, и плодов.
Пора морщинки первой,
Так памятной для нас,
Вокруг в себе уверенных
И чуть усталых глаз.

Однажды рассмеялись
Глаза, и в этот миг
Не стертою осталась
Морщинка возле них.
А может быть, иначе —
Обрушилась беда
И след свой обозначила
Морщинкой навсегда.
Пора солнцестояния,
В которой все черты
Иного обаяния,
Особой красоты.

---

* * *

Она все чаще по любому поводу,
А даже и без повода,
Припоминает, как любила смолоду
И знала здесь полгорода.

Заговорит — вскраснеет от волнения,
И долго этим вечером
От папироски пепел на колени ей
Слетает незамеченный.

Какие вечеринки! Сколько случаев!
Сама была отважная:
Ходили парни свататься к ней лучшие,
И всех отваживала.

И говорит, и хвастает, как будто бы
Лишь в этом и хорошее...
Ах, до чего же голова запутана
И сердце изношено!

И горько слушать женщину, которая
И в сорок лет по-прежнему
Зовет любовью все свои истории
И увлеченья грешные.

Живет одна и скучно, и рассеянно
И помнит только прошлое...
...Воспоминанья радостью засеяны,
Да болью огорожены.

* * *

В вагоне опять разговор о поэзии,
Крутой разговор — настезь сердца!
И мы в перепалку горячую лезем,
Чтоб все же свое отстоять до конца.
Очки у соседа — как льдинки иронии,
Нет, он не считает себя знатоком,
Он просто талантов поклонник скромный
И с Ахмадулиной лично знаком.
Ему, извините, противны традиции:
Мол, с ними посредственность только в ладу,
Мол, ныне поэзии стыдно рядиться
В хорей и прочую ерунду.
...А поезд летит, как зеленая просека,
По рыжим степям все быстрее,
И катится рельсами этот простенький,
Обутый в железо хорей.
А мы говорим — мы немало поездили! —
Бок о бок с народом идет
Честнейшая девушка — наша Поэзия,
И к ней мишура не идет.

Людские сердца — общежитья поэтов,
Не всяких поэтов, а только таких,
Которые были за правду в ответе
И правдой народной чеканили стих.
...Да, мы принимаем традицию эту!
Ну, что ты, сосед по вагону, затих?

---

* * *

Категоричные повестки
Опять предписывают нам
После работы в клуб армейский
Являться в срок по вечерам.
Мы — лейтенанты с давним стажем:
Лишь отслужив, ушли в запас.
Мы старших лейтенантов старше,
Которые встречают нас.
Да что там званья, что там годы,
К чему заслуг неравных счет,
Когда сухое слово «годен»
О нашей зрелости поет.
Мне повышения не надо,
Я не завидую другим.
Хочу остаться лейтенантом,
А это значит — молодым.
...На совесть многое доверив,
С армейских сборов в добрый час
Нас кадровые офицеры
Проводят дружески в запас.

В запас... А коль сказать иначе,
То означает, что на фронт.
Он звездной сваркой обозначен
Во весь российский горизонт.
И я пойду — свежа погода! —
Тропой нехоженой вперед,
Когда большое слово «годен»
Меня в поэзию зовет.
Она, как гвардия, в которой
Лишь не бывает рядовых.
Она сражается упорно
На линиях передовых.
И лично мне совсем не надо
Иного звания пока —
Хочу остаться лейтенантом
В ее штурмующих полках!

---

* * *

Имена становятся отчеством —
Это наши уже имена!
Пусть достойно звучат —
мне хочется —

И в грядущие времена,
И не просто так, по традиции,—
Чтоб звучали, смысла полны,
И могли бы ими гордиться
Наши дочери и сыны.
Ну, а если в пути далеком
Вдруг споткнутся сами, то тут
Пусть на миг неслышным упрёком
Эти отчества обожгут.
Понимаю — право нелегкое:
Ставить имя с другими в ряд —
Все равно, что между эпохами
На виду, на ветру стоят.
Потому мне сейчас и хочется
Отработать свое сполна.
...Имена становятся отчеством —
Это наши уже имена!

ПЛЯСКА

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит — дробит она,
Загляделось полсела —
Диво!
«Не спою, как соловей,
Спою, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»

Запоет — так не случайно:
Каждой песне адрес даст.
В каждой песне — сердца тайны.
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердце знаток,
Только шурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог..
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?!

В АВТОБУСЕ ЕХАЛА ЖЕНЩИНА

В автобусе ехала женщина,
Средь прочих — одна такая.
Лет тридцать, наверно, не меньше ей,
А может, меньше — не знаю.
Мужчины уже со ступеньки,
Едва закрывались двери,
Совали кондуктору деньги,
А на нее глядели.
Им говорил кондуктор:
«Вперед проходите, граждане».
Они стояли, как будто
Это касалось не каждого.
Она газету читала,
Сидела вполоборота,
Как будто и дела мало,
Что ею любитесь кто-то.
Но лишь ресницы густые
Она подняла устало —
Мужчины глаза опустили:
Знобко мужчинам стало.

С каким-то смутным испугом,
Себя, наверно, жалея,
Одернула платье туго
На смуглых, в капроне, коленях.
И встала, поправив волосы
Из солнечных золотинок,
И все расступились в автобусе,
Насколько места хватило.
Пошла и долгие взгляды
Она за собой уводила,
Быть может, сама не рада,
Что так сердца бередила...
Спасибо тебе, спасибо,
Женщина незнакомая,
Что ты про наших красивых
Собой хорошо напомнила.

— — — — —

ХУДОЖНИКИ

(П о э м а)

Александрю Яшину

1.

Омут — вверху,
Омут — внизу.
Долбленные лодки
Гостей везут.
Берег, как кромка.
Вверх и вниз
Ельники запрокинулись.
Весло задевает
Пики вершин,
Игру затевает,
Лес ворошит.
Гости не просто
Едут в гости,
Не просто вдосталь
Размять кости —
Ищут Русь,
Русь настоящую!

В лодках мольберты
И с красками ящики.
В Москве говорят:
Север богат,
Что ни наряд —
Радует взгляд.
Юбки, оборки —
Боже мой! —
Так и веет стариной.
...Омут — вверху,
Омут — внизу.
Долбленные лодки
Гостей везут...

2.

Спрашивали Марью соседки востроглазые:
— Те, что ночевали, с какой они оказией?
На наших полномоченных — так не похоже,
вроде.

Наши покруглее будут в подбородке...
Отвечала Марья: Из Москвы, сказали.
Как взглянула, бабы, — хлопнула глазами:
Право, век не бриты — черные волосья,
Наши старики и то таких не носят.
Неужто в Москве-то этакая мода?
Иль того? Но, вижу, с разуменьем, вроде...
Засмеялась Любка — ни жена, ни девка,
Самая отчаянная в разных переделках:

— А по мне с бородкой мужичок любяе...
Марья замахала: Перестань, Любава!
Ну так вот, сказали,— из Москвы, из самой,
В Москве они работают живописцами...
И снова Любка в хохот: Художниками, сватья,
Зовутся живописцами — так громче и занятней.
Тебя за стол посадят и нарисуют, Марья,
Да ты им ни к чему: ты, Марья, — старая.
Вот бы меня! — и Любка, грудь выпятив
упруго,
Прошлась перед соседками по лужайке кругом —
Вот бы меня такую — была б у них картина!
И я бы на картине в столицу покатила.
В Москве я не бывала, так хоть с картины,
что ли,
Взглянуть бы на Москву...
— Да ты того не стоишь!

И Любка ошарашенно
Вдруг погасла.
— Не стою, по-вашему?
Это напрасно!
Я вся измолотилась —
В поле, на дворе ли.
В жены не сгодилась,
Так сгодилась в деле!
А что гуляю — нате:
Раз живу на свете.
Я не виновата,

Что парней нету!..

— Да что же ты?

Скорёшенько

Разгорячилась — ишь!

Плесни водой из ковшика,

Так, право, зашипишь...

3.

Забрякала заслонкой

Марья чуть жива

И рыжего цыпленка

Пустила под дрова.

А он в одно мгновенье

Вырос в петуха

И стал клевать поленья,

Шуметь и трепыхать.

И вот уж в печке жаркой

Он не один, а пять,

И ни который в драке

Не хочет уступать.

И Марье, вроде, легче

Стало в груди —

Распрямила плечи,

Пошла гостей будить.

Ах, чистая горница,

Прохладные полы!

Босиком хочется

По таким проплыть.

Кровати из березы,

Как баржи, грузны,
Которые увозят
В любовь и сны.
А одеяла жаркие
Работ ручных
Цветастыми лужайками
Лежат на них...
— Как вас, эй, вставайте,
День-деньской!
Дрогнули кровати
В горнице глухой.
И выходят бороды
С прытью молодой.
Тишина распорота
Смехом и водой.
Брызжут и хохочут,
Плещут в три ручья,
Лишь не смытой ночью
Бороды торчат.
К самовару сели.
У него уже
Булькает веселье
В медной душе.
— Брось-ка сковородки,
Марья, — и за стол.
Вот у нас селедка,
Хороший засол.
— Сейчас, сейчас, ребятки,
Картошка кипит.

Со своей грядки —
Добра на вид:
Рассыпчата, развариста,
Ешьте с селедкой, пожалуйста...
И Марья тащит,
Прижав, чугунок.
Пар летящий
Ее обволок.
Присела с краю
За шумный стол
И разливает
Чай густой.
В платочке ситцевом.
В кофте ситцевой,
Сшитой, как и в Москве, например,
Лишь бы подольше стала носиться,
Была б не маркой — вот и весь манер.
Ни кружев, ни вышивок — проще
простого...
Тревожно художники щурят взгляд —
Быть может, и ехать сюда не стоило,
Чего же зря в Москве говорят?
Но чай дымится,
А за чаем
Добреют лица
Даже печальные.
Такое свойство,
Видать, у чая,
А может, просто

Так получается.
Но посидеть
За ним доведется,
Сам по себе
Разговор заведется...
Скажи-ка, Марья, людям приедем,
Где же наряды прежние, где же?
Где же они, которые радовали:
Юбки, опоясанные радугами,
Сарафанов праздничный размах,
Кружевная невидаль кокошников,
Розовая выдумка рубах?
Марья смотрит странно и печально
И в ответ лишь головой качает:
Молодость всем грустно вспоминать.
И, забыв, что чайник полон чая,
Доливает кипятком опять.
Спохватившись, охает и молча
Замирает, опустив глаза.
Видимо, припомнить что-то хочет
Из того, чего забыть нельзя.
Все взметнулось, что в душе осело
За ее нелегкий век в глуши,
И поплыло пестрой каруселью,
Скрытую тоску разворошив.
Всполохами память озаряло
То одно, затем иное вдруг.
Почему-то всплыли сеновалы,
Как часовни, у речных излуч,

А за ними — дымка зоревая,
И травища, как зеленый брод,
И она, Машутка, в сарафане
Яблонево, розово идет.
Пели косы — и трава пласталась,
И струился яблоневый стан.
Позабыв про завтрак и усталость,
Шел за нею и косил Степан.
Холостой — еще не муж, не слесарь,
Не солдат последней мировой.
И тянулись два прокоса к лесу,
В елки, на полянку, с глаз долой...
Вдруг картины эти покачнулись,
И уже иное перед ней:
Многолюдство деревенских улиц,
Бражный праздник после трудных дней.
И она идет, жена Степана.
Молодушка — слышится молва.
А по кофте белыми цветами
Пролиты искусно кружева.
Нравилась Степану эта кофта.
Он с войны писал, из-под огня:
«Все меняй на хлеб, жалеть чего там,
Лишь не трогай кофту до меня...»
Марья, Марья! Это что с тобою?..
Стол поплыл, и самовар поплыл,
И окно поплыло голубое,
И в глазах лишь солнечная пыль.
Наклонилась, побледнела Марья:

Подождите, все пройдет сейчас...
Вот и стол на месте замирает,
И окно встает напротив глаз.
— Ох, ребята! Вы о чем спросили?
Про одежду, что ли? — И она
Улыбнулась грустно, через силу:
— Вам-то, не пойму, к чему она?
Да и нет ее, сказать по правде.
По музеям, что ли, развезли
Да артистам в города отправили,
Чтоб потешить публику могли...
Объясняют гости, дескать, надо
Для эскизов, то есть для картин,
Дескать, покажите из нарядов
Ну хотя б один.
Или скатерть — как там? — самодельную,
Или с петухами рушники...
Марья смотрит: нет, не чужеземные,
Ну, а до чего же далеки!
Догадалась, спохватилась, чай отставила:
Мол, поищем...

И в селе тотчас

Суматоха началась —
Слух прошел: скупают вещи старые!
Все тащите, что на чердаках,
Что осталось в прежних сундуках!
И пошло! Сперва бегут мальчишки —
Те привыкли собирать — сдавать —
Тащат к Марье ржавую кровать,

Без обложек трепаные книжки,
Втулки, тазик, даже чей-то бюст,
Валят все — лишь звон, и треск, и хруст...
И глядят назад не без причины —
Ковыляют бабки — вновь скандал:
У кого-то библию стащили,
У кого-то чугунок пропал...
Гости говорят: не то, ребята,
Унесите это все обратно —
И на Марью вдумчиво глядят,
И к ее ногам роняют взгляд.

4.

Прошлись по деревне —
Рисовать хочется.
Вот, наконец, древне-
русское зодчество.
Избы просторны,
А под крышами
Разно узоры
По дереву вышиты.
Будто б на нитки
Сушка нанизана,
Сушкой обвита
Стена до карнизов.
Там — погляди-ка! —
Затейливо вяжутся
И повиликой
Какой-то кажутся.

Всюду черт знает
На чем и лепится
Эта резная
Чудо-нелепица!
Крыльца крылаты.
Дверь распахнется —
Не крыльца — палаты,
Полные солнца.
Смотришь и верится:
Вот-вот сейчас
Красная девица
Выйдет встречать.
Молвит распевно,
Улыбчиво, просто,
Мол, заходите,
Добрые гости.
И, засмущаясь
Своей красоты,
Чуть приподымет
Кончик фаты...
Ждешь беспокойно
И смотришь на двери —
Вот ведь какое
Крыльца навеют!..
Скорее мольберты
Поодаль ставь,
Чтобы это
Пело с холста!
Скинув куртки,

Садятся ребята.
Гаснут окурки
В траве примятой.
Но — странное дело —
Досадная малость:
Это не пело,
Как ни старались.
Лишь по холстам
Разлетались линии,
Как выростали
Курганы синие,
А на курганах
Старое зодчество
Дивно сверкало
И кособочилось...
Ложью подправить,
Конечно, можно,
Но только правда
Всего дороже.
Но только правда
Всего превыше —
Совестью правит
И кистью пишет!
Как же случилось —
Скажи на милость —
Умение дедов
Не пригодилось?
Наверно, ответят:
Это — пустое.

Наше столетье
Умеет строить.
И дедам — где там
До строек наших.
Такое дедам
Не снилось даже.
И это — правда,
И это — гордость.
Родина наша
Звонко отстроилась.
К нам приезжают
Из-за границы,
Чтоб подивиться,
Чтоб поучиться,
И смотрят, чтоб дома
Об этом рассказывать,
Как дыбятся домны
Стальными Кавказами.
Но также глядят,
Обалдев совершенно,
Как вписан в закат
Василий Блаженный...
...Ребята рисуют,
А к ним по травам,
Собою красуясь,
Идет Любава.
Она за пригорком
В мареве синем
Траву на подкормку

Коровам косила.
Еще не остыла
От жаркого дела,
И в прядях густых
Травинка висела.
И парни, конечно,
Кисти — в сторону:
Откуда? Здешняя?
Вот здорово!
А Любка тут же,
С ехидцей обычной,
Дескать, не хуже
Ваших, столичных.
Играя глазами,
Глядит на ребят:
Мол, я — за вами,
Траву загрести.
А глазом одним
Косит на холсты...
И вдруг перед ними
Встает, застыв.
Да это же — чудо:
Дома знакомые.
Как нарисованы! Чуть
Не диковины.
И ни о чем не спросила
От радости:
Любке красивое
Очень нравится.

Только стояла потом
В одиночестве:
Любке красивого
Очень хочется.

5.

...Горизонт изломан крепким лесом,
Даже малой тучки в небе нет,
Лишь плывет по синеве белесый,
Словно тропка, реактивный след.
Он плывет над избами, над лугом
И над Любкой, что стоит в траве
И следит за этим полукругом,
Выписанном в тихой синеве.
И не замечает, что ребята,
Засмотревшись с нею в окоём,
Курят молча, будто виноваты,
Думают о чем-то о своем.
От холстов и красок веет грустью:
Уж давно не пахнет старой Русью.
Словно лебедь кисти Васнецова
Улетели в дали — не поймать.
И теперь вон проплывает снова,
Вон летит — уже стальная статья!
Так зачем же до сих пор поэты,
Сотни верст в пути исколесив,
Из Москвы на север рвутся летом,
Как Колумбы, в поисках Руси?

И найдя заброшенную прялку
Иль икону, иль цветастый плат,
Словно на диковины, глядят,
Платят деньги — ничего не жалко.
Так зачем же до сих пор на сцене
Русские в рубахах с поясами,
В сарафанах старых непременно
Пляшут так, как в старину плясали,
Так дробят — что жарко потолку?
...Вот об этом, критик, потолкуй.
Видя наших дней иную поступь,
Хочется сейчас невмоготу
Новую увидеть красоту
И в селе по праву и по росту!
В чем она?..

Молчат, молчат ребята,
Засмотревшись в синий окоём,
Будто перед кем-то виноваты,
Думают о чем-то о своем.
И всплывают, словно издалёка,
Тетки Марьи грустные глаза,
Руки на коленях, как упреки,
А потом тумана полоса,
За туманом выплыли знакомо,
А откуда — и понять нельзя,
Под усталой девичьей рукою
Любкины лукавые глаза.
И березы, как стога большие,
И за речкой косарей костры...

Все звенело, бушевало, жило
И плескалось прямо на холсты.
Это все: и руки на коленях,
Жилистые, в узловатых венах;
И глаза, то весело, то грустно
Глянувшие вдаль; и те пути,
По которым к звездам нам идти,
Все взывало в этот миг к искусству:
На меня вниманье обрати!

6.

Сказали ребята: мы тебя нарисуем.
И вот три мольберта поставлены в ряд.
И Любка сидит на копне, как на стуле,
Попав под тройной и разборчивый взгляд.
Она смущена, хоть совсем не привыкла
смущаться,
Одеться бы, что ли, в хорошее платье, а то
В каком-то застиранном, стареньком платьице,
И этот на ней, как на грех, невеселый платок.
Ведь будет потом ей неловко в столице,
Подумают сразу: «деревня» — и губы скривят.
А Любка такая — никак уступить не годится!
И брови взлетают, и светится вызовом взгляд.
И вот проступают, сначала игривым намеком,
На белых холстах очертания Любкиных глаз,
Потом раскрываются дерзко в смятенье
глубоком,

В смятенье таком, что прочесть невозможно
зараз.

А парни торопятся, будто и впрямь открыватели
Какого-то мира, пока неизвестного им.

И кисти летают, поглубже сомненье запрятав,
И отдают предпочтение чувствам другим.

Оно остается, слегка приглушенное думой,
Работают кисти — и в думе таится вопрос,
И рядом — грустинка. Как будто бы сиверко
дунул

И эту грустинку в глаза ненароком занес.

Но вот завершенье — распахнуты бойко
ресницы,

Во влажных глазах отражаются будто впервой
И травы, и небо, и взгляд удивленьем лучится
И полнится молодостью и синевой...

— А ну-ка, взгляни, — говорят ей ребята
устало,

И кисти бросают, и мрачно молчат неспроста.
Она подбегает — такого вовек не видала:

Девчонки, знакомые очень, глядят на Любаву
с холста.

Девчонки, как сестры, которых у ней не бывало,
Но вот отыскались нежданно, сошлись на угор,
И каждой дается веселое имя — Любава,
И каждая молча глядит на другую в упор.

Лишь только одной, самой старшей, они
поручают

Сказать за себя, похвалить иль похаять ребят.

...А Любка, сияя, молчит и молчит поначалу,
И, пристально глядя, в себе открывает себя.
Потом, обернувшись, парням говорит, что
похожа,
Вот только платишко и этот платок не по ней.
И просит ребят заменить на холстах,
если можно,
Ведь есть и в деревне наряды куда поновей.
Не нравится Любке ни в чем уступать
горожанкам,
Ни в малости малой! Бывает обидно до слез,
Когда сарафаны и кофты окинет с улыбкою
жалкой
В толпе привокзальной какой-нибудь молокосос.
Она понимает, на тупость досадовать нечего,
Но все же в душе оседает крапивный настой,
И сердце тоскует, и хочется сердцу девичью
Омыться скорее хорошей, большой красотой.
Ему и не надо иного — живет красотой
и правдой...
—Ну что ж, — говорят художники, — это
понятно нам,
И если ты просишь поправить, то мы, конечно,
поправим, —
И добрые кисти снова летят по тугим холстам.
...Пылило проселками лето, как будто
зеленое стадо,
На юг уходило куда-то...
Уже и ребятам пора.

И вот чемоданы собрали, и все уложили,
что надо.
И Любка их провожала по улице до двора.
Она говорила «спасибо», она приезжать
просила,
Мол, вас не хватает очень, и слышно было
кругом,
Как девичий голос долго летал над Сухоной
синей,
И эхо в простор уносило тревожное слово:
«Ждем!»

СОДЕРЖАНИЕ

«Я опять уезжаю...»	3
«Наладилась погодка...»	5
«Когда он сказал...»	7
Дождь	9
Молоко	12
Ленинские глаза	15
Смерть коммуниста	17
Коммунисты	19
«С Ярославского вокзала...»	21
Баллада о батъке Василии	24
Посвящение в родню	27
Зимнее утро	29
«Ах, свадьбы шумные!..»	31
Подруга вышла замуж	33
«Хоть солнце и зашло уже...»	36
«Нет трогательней, откровенней...»	37
Отцовские письма	39
«У матери старой три сына...»	41

«Нам, может быть, не всех трудней...» . . .	43
Россия	45
Константин Батюшков в Париже	47
Предок	50
«Легко и просто сердце ранить...»	52
«Как поредел осенний лес!»	54
«Ты нежданно и негаданно...»	55
«Картошку девушка копает...»	57
«Разлука, что зима у нас на севере...»	59
«Ты что-то мне напомнила, рябина...»	60
«Есть красота всевластная...»	61
«Она все чаще по любому поводу...»	63
«В вагоне опять разговор о поэзии...»	65
«Категоричные повестки...»	67
«Имена становятся отчеством...»	69
Пляска	70
В автобусе ехала женщина	72
Художники. П о э м а	74

**Александр Александрович
Романов**

СЕМИЗВЕЗДИЕ

*Редактор А. П. Гусев
Художник В. А. Чулков
Корректор В. С. Каменев*

ГЕ04031. Подписано к печати 13.10.63 г.
Бумага 60 × 84¹/₃₂. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3.
Уч.-изд. л. 2,6 + 1 вкл. Тираж 5000. Заказ 4921.
Цена 28 коп.

Областная типография,
Вологда, ул. Калинина, 3.